

ПРОЛОГ

Ненаписанная песнь

Никому из ныне живущих смертных не приходилось видеть Веретено.

От Веретен остались лишь отголоски. Они сохранились как в давно забытых краях, так и у всех на виду; они проявлялись в людях, внутри которых горела частичка волшебства, и в потомках существ, пришедших сюда из других миров. Но вот уже многие столетия не загоралось ни одно Веретено. Последнее из них исчезло тысячулетие назад. Проходы закрылись, врата запечатались. Время путешествий между мирами подошло к концу.

Оллвард остался один на один сам с собой.

«Так и должно быть, — думал Эндри Трелланд. — Мы должны сохранить нынешний порядок вещей ради общего блага».

Оруженосец поправлял доспехи своего лорда, не обращая внимания на начинающийся дождь. Его

смуглые, с медовым отливом пальцы проворно выполняли заученные движения, подтягивая кожаные ремни и закрепляя золотистые пряжки, стягивавшие широкое тело сэра Гранделя Тира. Оплечья и нагрудник, выкованные так, чтобы напоминать ревущего льва — символ королевства Галланд, — были начищены до блеска.

Забрезжил рассвет. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь весенние тучи, нависшие над холмами и горными пиками, возвышавшимися позади. Эндри казалось, что он стоит в комнате с низким потолком. Оруженосец сделал вдох, пробуя влажный воздух на вкус. Реальность давила на него со всех сторон.

Тринадцать коней были привязаны в ряд. Они всхрапывали и жались друг к другу, пытаясь согреться. Эндри жалел, что не может к ним присоединиться.

Отряд Соратников выжидал, расположившись на поляне у подножия холма. Некоторые следили за скрывавшейся за деревьями паломнической тропой, готовые к появлению врага. Другие осматривали заросший плющом храм, белые колонны которого напоминали кости давным-давно погибшего зверя. Высеченные на стенах буквы были знакомы Эндри. Письмена Древних — подобные тем, что он видел в легендарной Айоне. Храм построили в давние времена, еще до появления древней империи Кор, на месте угасшего ныне Веретена. Уже долгие годы его колокольня безмолвствовала. Эндри не имел ни малейшего понятия, куда прежде вело Веретено, находившееся внутри. Никто ему не сказал, а он так и не набрался смелости спро-

сильно. И все же он ощущал его словно едва уловимый запах. Как эхо утерянной силы.

Бледнокожий сэра Грандель скривил рот, хмуро смотря на небо, храм и воинов, стоявших внизу.

— Поверить не могу, что меня разбудили в такую рань, Веретено вас всех побери, — громогласно выругался он.

Эндри не обратил внимания на жалобу наставника.

— Все готово, мой лорд, — произнес он, делая шаг назад.

Оруженосец окинул сэра Гранделя взглядом, выскывая в его обличье малейший изъян, который мог бы помешать ему в грядущей битве.

Рыцарь гордо выпятил грудь. Вот уже три года Эндри служил оруженосцем при сэре Гранделе. Его лорд отличался высокомерием, но Эндри не знал ни одного человека, владевшего мечом столь же искусно, как сэра Грандель, который сумел бы обуздать гордыню. В этом не было ничего удивительного.

Доспехи сэра Гранделя были в идеальном порядке, от мысков стальных саботонов до пластин латных перчаток. Опытный рыцарь мог послужить образцом силы и храбрости, воплощением идеалов королевской Львиной гвардии. Его вид внушал как ужас, так и восхищение.

Перед глазами Эндри в очередной раз возникла другая картина: вот он сам стоит в рыцарских латах со львом на груди, зеленой мантией на плечах и отцовским щитом в руке. Тем самым, что обычно висел на стене в гостиной его матери. Расколотый почти надвое, он пылится там уже много лет.

Оруженосец склонил голову, отгоняя видение прочь.

— Вы готовы?

— Конечно же, я готов! — отозвался рыцарь, обхватив пальцами рукоять меча. — Не зря же я столько дней тащил свои старые кости по всему Варду. Сколько времени прошло с тех пор, как мы покинули дом, Трелланд?

— Два месяца, сэра, — сказал Эндри, не задумываясь. — Мы выехали из дома почти ровно два месяца назад.

Ответить на этот вопрос ему было столь же легко, как сказать, сколько пальцев у него на руке. Каждый день, что они находились в пути, таил в себе новое приключение. Они ехали по диким долинам и горам в страны, которые он даже не мечтал увидеть. Рядом с ним скакали рыцари, чьи слава и доблесть не знали себе равных. Герои, все до одного.

Теперь же их поход близился к концу. Впереди уже маячила битва, но Эндри боялся не ее, а того, что за ней последует.

Легкий, быстрый путь домой. Тренировочная площадка и дворец. Мать больна, отца нет в живых. Следующие четыре года мне будет нечего ждать — останется лишь сопровождать сэра Гранделя из тронного зала до винного погреба.

Не заметив печали на лице оруженосца, сэра Грандель продолжил высказывать свое недовольство:

— Кто-то вскрывает Веретена и распечатывает проходы в забытые миры. Полная чепуха. Мы гоняемся за детской сказкой, — проворчал рыцарь, сгибая и разги-

бая пальцы в латной перчатке. — Помогаем призракам ловить других призраков.

Он качнул головой в сторону готовых к бою Соратников, чьи разноцветные одежды напоминали драгоценные камни, вставленные в корону. Взгляд его бледно-голубых глаз задержался на некоторых из них.

Эндри посмотрел в ту же сторону — на несколько фигур, застывших в напряженной, неподвижной позе. Их оружие казалось странным, а привычки удивляли еще сильнее. Хотя Соратники провели в пути уже много дней, иные из них оставались такими же загадочными, как в начале путешествия. Непостижимые, словно составленная волшебником головоломка, отчужденные и невероятные, как ожившая легенда. И при этом они стоят прямо передо мной.

— Они вовсе не призраки, — пробормотал Эндри, наблюдая, как один из них обходит храм по периметру.

Он был чрезвычайно высок и широкоплеч, со светлыми волосами, заплетенными в косы. Чтобы поднять меч, висевший на его поясе, понадобилась бы сила двух обычных воинов. «Дом, — подумал Эндри, хотя, на самом деле имя Древнего было гораздо длиннее и сложнее для произношения. — Принц Айоны».

— Древние — существа из плоти и крови, такие же, как и мы, — закончил он.

Их можно было с легкостью отличить от других рыцарей. Каждый из шестерых Древних напоминал прекрасную статую; все они выглядели по-разному, но все же чем-то походили друг на друга. Они были так же далеки от смертных, как птицы от рыб. Легенды гласили,

что они родились под иными звездами. Малочисленные исторические документы сообщали, что они пришли из другого мира.

«Бессмертные», — подумал Эндри.

Вечно молодые, невероятно красивые, не знающие смерти, отчужденные — и исчезнувшие давным-давно. Даже столько времени спустя Эндри не мог заставить себя отвести от них глаза.

Они называли себя видэрами, но все же для прочих обитателей Варда — для смертных, которые знали их только по древним сказаниям и полузабытым легендам, — они были Древними. Их осталось немного, но Эндри Трелланду казалось, что они сохранили свою мощь.

Принц Древних, заворачивавший за угол храма, поднял пронзительно-изумрудные глаза и встретился с ним взглядом. Эндри тут же опустил голову, вспомнив, что слух бессмертного позволял ему услышать их разговор. Щеки оруженосца загорелись.

Ничуть не смутившись, сэра Грандель все так же холодно взирал на Древнего из-под забрала.

— Можно ли пролить кровь бессмертного, оруженосец?

— Не знаю, милорд, — ответил Эндри.

Рыцарь обвел взглядом остальных бессмертных. Они прибыли сюда из полузабытых крошечных поселений, находившихся по всему Варду. Эндри затвердил их имена, как заучивал имена придворных, чтобы помочь сэру Гранделю не попасть в неловкую ситуацию, но также и из собственного любопытства.

Две Древних женщины выделялись на фоне остальных бойцов, при этом ни в чем им не уступая. Их присутствие повергло в шок всех смертных мужчин в Отряде — особенно рыцарей Галланда. Эндри они по-прежнему завораживали, если не сказать — повергали в трепет. Роуэнна и Маригон — равно как и Арберин — жили в городе Сирандель, скрывавшемся глубоко в лесу Каслвуд. Эндри предполагал, что они состоят в близком, кровном родстве: у всех троих были рыжие волосы, бледная кожа, заостренные лисьи лица и насыщенно-пурпурные кольчуги, переливающиеся, как змеиная кожа. Они напоминали осенний лес, в котором освещенные солнцем деревья чередуются с тенью.

Думая про Наура, Эндри использовал местоимение «они». Они были родом из Хизира — селения, расположенного в Великих песках Айбала, — и казались Эндри одновременно и мужчиной, и женщиной. Они не носили никаких доспехов; их тела были плотно обернуты сумеречно-розовым шелком, окаймленным россыпью драгоценных камней. Их кожа имела золотистый оттенок, глаза, отливавшие бронзой, были подведены сурьмой и искристо-фиолетовой краской, а черные волосы заплетены в затейливые косички.

И, наконец, в их рядах был Сурим, проделавший самый долгий путь из всех смертных и бессмертных Соратников: верхом на своей коренастой лошади он пересек бескрайнюю Темурийскую степь. Казалось, что этот мужчина с бронзовой кожей и глубоко посаженными глазами все еще носит на своих плечах путешествие из Таримы, словно тяжелый плащ.

Что касается Дома, он вызывал ассоциацию с дубом и оленьим рогом. Под серо-зеленой мантией Древнего виднелась кожаная одежда с рельефным изображением оленя на груди — символом его поселения и правительницы, которой он служил. На его руках не было ни перчаток, ни латных рукавиц, а на пальце сияло кованое серебряное кольцо. Его домом была Айона, затерянная среди долин и горных хребтов Калидона — место, где Соратники впервые повстречались друг с другом. Она четко отпечаталась в памяти Эндри: то был окутанный туманом каменный город Древних, которым правила бессмертная дама в серых одеяниях.

Его воспоминания оборвал голос сэра Гранделя.

— А что скажешь насчет наследника древней империи — принца, в чьих жилах течет кровь Древнего Кора? — прошипел рыцарь. О его слова можно было порезаться, словно о лезвие бритвы. — Каким бы царственным он ни был, разрази его Веретено, он такой же смертный, как и любой из нас.

Эндри Трелланд вырос во дворце. Ему было хорошо известно, как звучит зависть.

Кортаэль, наследник Древнего Кора, стоял в отдалении от остальных, топча сапогами дробленые камни паломнической тропы. Он замер, вглядываясь в тенистые лесные заросли, словно волк, затаившийся в своем логове. Кортаэль тоже носил мантию цветов Айоны, а на его стальном нагруднике были отлиты олени рога. По его плечам рассыпались волосы — темно-красные, как пролитая в сумерках кровь. Он не

был подданным ни одного из королевств смертных, но на его твердом лбу и в уголках тонких губ пролегли тонкие морщинки. Эндри предполагал, что ему должно быть около тридцати пяти лет. Так же, как и Древние, он был наследником Веретенной крови, ребенком двух миров, чьи смертные предки родились под иными звездами.

То же можно было сказать и о его мече. Веретенный клинок. Обнаженное оружие, отражавшее серое утреннее небо, было покрыто символами, которые не мог расшифровать ни один из ныне живущих. В его присутствии слышалось шипение молнии.

Сэр Грандель прищурил глаза.

— Можно ли пролить его кровь?

— Это мне тоже неизвестно, — пробормотал Эндри, с трудом отрывая взгляд от клинка.

Сэр Грандель похлопал оруженосца по плечу.

— Не исключено, что нам предстоит это выяснить, — произнес он и принялся спускаться с холма. Каждый его шаг сопровождался лязгом тяжелых доспехов.

«От всей души надеюсь, что нет», — подумал Эндри, наблюдая за тем, как его лорд подходит к остальным смертным Соратникам. Сэр Грандель остановился рядом с кузенами Норт — двумя другими рыцарями из Галланда. Эдгар и Рэймон Норты были утомлены долгим походом не меньше своего соотечественника, и на их усталых лицах читались те же эмоции.

К ним приблизился наемник с рогатым шлемом на голове и чересчур широкой улыбкой на губах. К вящей досаде рыцарей и немалому удовольствию Эндри, Бресс,